УДК 81.112+82.97

В. Г. СИРОМАХА*

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНФЛИКТЕ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (на материале полемической литературы второй половины XVII века)

В статье рассматриваются лингвокультурные аспекты книжной справы второй половины XVII в. Церковный конфликт этого времени рассматривается как проявление лингвокультурного конфликта, вызванного изменениями в сфере книжной культуры предпетровского времени. Этот конфликт нашёл своё выражение в столкновении старообрядцев и никониан, принадлежавших к разным культурам: первые — к культуре древнерусского традиционализма, а вторые — к новой, «барочной» культуре, «культуре познающего Разума». Старообрядцы и никониане принадлежат к разным направлениям теологической мысли. Старообрядцев отличает неконвенциональное восприятие языкового знака, в то время как никонианам свойственен грамматический подход к тексту церковных книг.

Ключевые слова: раскол, старообрядцы, никониане, лингвокультурология, традиционализм, барочная культура, теология, культурный конфликт.

В последнее время конфликтология развивается достаточно интенсивно и превратилась в отдельную научную дисциплину. О важности изучения теории конфликтов (с целью их, в частности, предотвращения) пишут авторы учебника «Конфликтология» А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов: «Возможно, XXI в. поставит человечество перед альтернативой: либо он станет веком конструктивного разрешения конфликтов, либо будет последним веком в истории цивилизации» [2, 11]. Наиболее глубоко исследование конфликтов представлено в исторических науках, политологии, психологии, философии, правоведении, педагогике, социобиологии и некоторых других науках.

В меньшей мере конфликтология развивается в лингвистике. Одной из первых работ в этом ряду следует назвать книгу В. М. Живова «Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — нач. XX в.», напечатанную в 1990 г. [11]. Из работ последнего времени можно выделить

* Виталий Григорьевич Сиромаха — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Литературного института имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); siromakha.v@mail.ru

статью А. А. Ривлиной «О понятии “лингвокультурный конфликт” в контексте общей и лингвистической конфликтологии» [21]. А. А. Рифлина предлагает трактовать понятие лингвокультурного конфликта «как негативное восприятие или отторжение иноязычной языковой единицы, обусловленное расхождением систем представлений, норм и ценностей в контактирующих лингвокультурах» [21,148].

Говоря о лингвокультурном конфликте с точки зрения историко-лингвистических дисциплин, необходимо учитывать, на наш взгляд, что этот тип конфликтов имеет отношение к истории литературных (книжных) языков, поскольку в них (конфликтах) проявляется различие языковых позиций (взглядов) творцов и носителей литературного (книжного) языка (лингвистической идеологии в целом). Сами литературные языки — это результат целенаправленной, осознанной деятельности книжников разных времён. Что касается истории некнижных (профанных) языков, то в ней мы имеем дело с проявлением языковых противоречий («антиномий», по терминологии В. Гумбольдта), которые и являются основными движущими силами языкового развития этих языков. Лингвокультурные конфликты в этой истории не представлены (или представлены в гораздо меньшей степени, чем в истории литературных языков).

В истории русского литературного языка заметно выделяются масштабностью и значимостью своего проявления два лингвокультурных конфликта: второй половины XVII в. и конфликт начала XIX в, проявившийся в знаменитой дискуссии о старом и новом слоге между шишковистами и карамзинистами («архаистами» и «новаторами», по терминологии Ю. Н. Тынянова).

Наша статья посвящена исследованию первого лингвокультурного конфликта, связанного с драматическими событиями русской истории в связи с предпринятым при патриархе Никоне исправлением церковных книг и обрядов. И царь Алексей Михайлович, и патриарх Никон разделяли выдвинутые с XVI века идеи церковного и государственного объединения православных земель вокруг Москвы и создания единой византийско-русской державы. Идеи «Москвы — Третьего Рима» достаточно прочно вошли в сознание государственного и церковного руководства Московского царства. Для этой цели и потребовалось устранить те различия в церковных обрядах и литургических текстах между греческой и русской церквами, которые в силу разных причин образовались к XVII веку [см.: 27, 415–416]. Никон возглавил русскую церковь в 1652 году. И уже в феврале 1653 года в одной из наиболее важных церковных книг — Псалтыри были изменены статьи о двуперстии (вместо двух пальцев предписывалось креститься тремя пальцами; приверженность двуперстному крестному знамению стала одной из отличительных особенностей старообрядческого движения) и земных поклонов при чтении великопостной молитвы Ефрема Сирина. В следующем, 1654 году Никон добился согласия церковного собора на исправление богослужебных книг «по древним славянским и греческим образцам». Были внесены в частности изменения в имени Христа: вместо Исус предписывалось Иисус; в формуле «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа» был исключёен первый союз «и», стало «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа»; проведены некоторые текстологические правки текста «Символа веры», в частности исключён союз «а»

в одном из выражений — «рожденна, а не сотворенна», стало «рожденна, не сотворенна»; сугубая (двоекратная) аллилуйя при церковном пении была заменена трёкратной, т. е. вместо «Аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже» вводилось пение «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже»; вместо восьмиконечной формы креста была предписана четырёхконечная; церковный ход при крещении, венчании и освящении храмов «посолонь» (по солнцу) был заменён противоположным (против солнца). Был произведён целый ряд других изменений, которые касались главным образом не содержания, догматики, а внешней формы выражения. О масштабе этих изменений можно судить по тому, что старообрядческие «Поморские ответы» разделяют их на 58 статей, а в более позднем старообрядческом сочинении, «Щит веры», перечисляется 131 вид изменений, связанных с церковной реформой (многие из них были произведены уже без участия Никона, удалившегося от церковного руководства в 1658 году). Все эти изменения вызвали резкий протест и неприятие части русского православного духовенства и простых прихожан, и после того как на соборе 1666–1667 гг. староверы были преданы анафеме (проклятию), раскол принял необратимый характер и привёл к возникновению наряду с официальной Патриаршей (Синодальной) церковью церковных организаций старообрядцев, к которым принадлежало немалое число верующих: так, по некоторым сведениям число старообрядцев в дореволюционной России составляло от четверти до трети великороссов [см.: 31, 16].

Отмеченные выше события послужили причиной создания многочисленных полемических сочинений, принадлежащих представителям двух враждебных друг другу лагерей церковных книжников: старообрядцам и новообрядцам (никонианам). Наличие данных полемических сочинений представляет современному исследователю неоценимую возможность для реконструкции языковых взглядов или, иначе, языкового сознания участников этих драматических событий. Упомянутым выше событиям посвящена современная обширная научная литература исторического, теологического, философского и культурологического характера [см.: 3; 6; 14; 15; 20]. В работах последнего времени церковный конфликт второй половины XVII века трактуется как проявление культурного конфликта, вызванного изменениями в сфере книжной культуры XVII века [см.: 27, т. 1; 11; 13; 30]. Этот конфликт нашёл своё открытое выражение в столкновении старообрядцев и никониан, принадлежавших к разным культурам: первые — к культуре древнерусского православного традиционализма, а вторые — к новой барочной культуре, «культуре познающего Разума», по определению Л. А. Чёрной [30]. Различие между этими культурами укладывается в противопоставление таких парадигм, как старина/новизна, праведность/разумность, изолированность/открытость, статика/динамика, универсализм/индивидуализм, своё/чужое. Бесспорно, что причины церковной драмы предпетровского времени имели также собственно религиозный, социальный и даже психологический характер. Тем не менее именно линвокультурный характер этого конфликта представляется основным. По замечанию Б. А. Успенского, «проблемы раскола — в большой степени проблемы филологические и прямо лингвистические… Не только проблемы самого языка, но и проблемы отношения к языку легли в основу разногласия» [28, 44].

Определяя языковые представления старообрядцев, необходимо отметить такой существенно важный момент их сознания как неконвенциональное (субстанциальное), то есть нерасчленённое восприятие языкового знака в тексте церковных книг, что приводило к смешению языковых и обрядовых вопросов. На эту особенность старорусского сознания обратил внимание в своё время В. В. Виноградов: «Все формы языка, вплоть до грамматических категорий, понимались и трактовались как непосредственное отображение религиозных сущностей и церковных догматов» [5, 33]. Именно поэтому приверженность даже к одной отдельной букве богослужебного текста становится для старообрядцев принципиальным убеждением. «Нам всем православным христианам подобает умирать за един аз, его же окаянный враг выбросил из символа тамо, идеже глаголица о сыне Божии Исусе Христе: “Рожденна, а не сотворенна” велика зело сила в сем аз сокровенна», — убеждённо писал Фёдор Иванов [17, т. 7, 341]. Это же чувство выражено в другой старообрядческой челобитной: «Не предаём древняго своего благочестия… и за едино прелагаемое слово и отъемлемое в вере страдати до крове готовы…» [17, т. 6, 291–292].

В любом изменении этих форм старообрядцы видели проявление ереси (чаще всего — «римской»), искажение истинной веры никонианами. Толкований такого рода много в старообрядческих сочинениях. Аввакум об изменении «во веки веком» на «во веки веков» пишет следующее: «И то в Кириллове книге описует ересь: малое-де слово сие, да велику ересь содержит» [17, т. 8, 35].

Старообрядцы второй половины XVII века, жившие в тревожном ожидании скорого прихода антихриста и видевшие в никонианах его служителей («А никонияном не царь: у них антихрист царь» [17, т. 5, 248], — писал, например, Аввакум), нередко придавали изменённым языковым формам прямо противоположный смысл, усматривая в них проявление антихристовой веры. «И где было в старых: (Христос) до мене бо прииде, мене ища заблужьщаго, а ныне переправили: до мене бо идеши, меня ища заблуждьшаго. Инова ждут к себе Христа!» [17, т. 6, 271] — обращал внимание царя Фёдор Иванов.

На нерасчленное восприятие старообрядцами языковых форм текста церковных книг и выражаемого ими содержания обратили внимание не только современные исследователи [19, 46–47; 20, 23–24; 29, 428; 31, 62], но и непосредственные оппоненты старообрядцев — никониане. «Не хотят видети, очеса имуще окаянние, яко не вера в догматех своих исправляется (сия бо всегда едина, чиста, неизменна, якоже от Христа Бога основася…), но токмо речений некая от добрых и праведных преводов, ова невежествующих списателей недоумением и описками, ова же типографии правителей не призрением и невежеством изменённая и приложенная, за еже не быти у типографского правления древним рукописным книгам…», — писал, обращаясь к старообрядцам в одной из своих проповедей, Епифаний Славинецкий [23, 687–688]. В этом же упрекает старообрядцев и Юрий Крижанич в «Обличении на Соловецкую челобитную»: «Глава вашего прелщения, о честнии отцы, и все цело вашего завода основания есть едино пременение и невежество, яко вы не умеете молитвы и обычая церковнаго разлучити от веры, и вы ищете молитву пременити, еже и веру пременити то было бы всё едино» [16, 71].

Отождествление слова и обозначаемого им явления может связываться с влиянием исихазма [см.: 19, 121]. Однако в этом явлении можно видеть и проявление одной из особенностей средневекового сознания, согласно которому, по замечанию А. Я. Гуревича, «язык представляет собой не только систему знаков, но и воплощение определённой системы ценностей и представлений» [7, 116].

«Вечная правда церковная» (от которой, по мнению Аввакума, «отклонились никониане» [17, т. 8, 681]) может быть выражена только «вечными» и неизменными языковыми формами, единственно авторитетными в глазах старообрядцев. Идея развития языка, изменения его форм принципиально чужда их языковому сознанию. «Да в новых книгах напечатано: Единородный Сыне и Слове Божий. Сия речь двоелична. В том же стисе: смертию смерть поправ. И та речь временная. А в прежних книгах, печатных и писменных, написано: Единородный Сын Слово Божие. Сия речь единолична. Да в том же стисе: смертию на смерть наступи, или поправ. Сия речь во веки вечная» [17, т. 4, 189–190], — подчёркивал в своей «Росписи» Лазарь. «Како проклятым расколником книги исправляти, что нелучилося им грамматическаго (не токмо философскаго и богословскаго) учения видати, знати же ни», — отмечается в «Увете духовном» Афанасия Холмогорского [26, 264 об].

Собственно языковые вопросы, вопросы, решаемые на грамматическом уровне, занимают далеко не самое важное место в полемике старообрядцев с никонианами. Более того, старообрядцы зачастую уклоняются от их обсуждения, не видя в них связи с обрядовыми вопросами, главным образом занимавшими их. Так, на заявление патриарха Иоакима о грамматическом характере исправления церковных книг Никита Добрынин «отвеща: приидохом зде не о грамматике с вами глаголати, но о церковных догматех, яже изменисте» [25, 122]. Савватий в своей челобитной считает нужным подчеркнуть: «И я нищей бил челом вам Великому Государю на справщиков не о грамматичном деле, — извещал на них про то, яко книги портят и плевелы в них сеют» [25, 13].

И именно в «невежестве», и в частности в незнании грамматики, обвиняли своих противников никониане. Так, рязанский архиепископ Иларион, обращаясь к старцу Авраамию, укорял его: «А вы, брате Аврамей, конечно за неведение погибаете. Не учася риторства, ни философства, ниже граматическаго здравого разума стяжале есте, а начнёте говорить выше ума своего» [17, т. 7, 395].

Что касается никониан, то, как мы говорили, их отличает филологический, или собственно грамматический, подход к тексту церковных книг, основанный на хорошем знании ими грамматики. Грамматика является в то время как бы знаменем никониан. На грамматику они ссылаются, объясняя произведённые исправления в тексте церковных книг — и в своих сочинениях, и во время очных ставок справщиков с их критиками — старообрядцами (об этих встречах упоминает Савватий в своей челобитной, указывая, что справщики «грамматикою путали» своих оппонентов [25, 34. См. об этих встречах: 17, т. 1, 471–479].

Сама аргументация языковых исправлений, которую мы наблюдаем в сочинениях книжников-никониан, носит в основном грамматический харак-

тер и обнаруживает хорошее знание ими «Грамматики» М. Смотрицкого, переизданной, как известно, в Москве в 1648 году без имени её автора, сторонника унии. Те языковые неисправности в тексте богослужебных книг, на которые указывают никониане, — это, к примеру, неисправности «по грамматическому художеству во временах в лицах втораго лица глаголы премножайшим третиим лицем писаны, еже зело не лепо тако быти. Подобие и времена помешана, место настоящего прешедшее, место будущаго настоящее, и иная место иных» [10, 79]. Симеон Полоцкий исправление «молитвами своея Матере» на «молитвами его Матере» объясняет следующим образом: «Своея есть местоимение пристяжательное Матере Христовы: его паки может иного лица Матерь указывати и тако усумнение творити» [10, 124–124 об.]. И, обращаясь к Лазарю, язвительно советует ему: «Вопроси о сем и малых отрочат Грамматики искусивших, и наставят тя по напечатаному глаголати» [Там же].

Знание грамматики и в целом хорошая филологическая подготовка представляется никонианам необходимой предпосылкой обращения к собственно богословским проблемам. «Убо кто здравый разум имея, видя тя слепо быти в грамматице, вознепщует тя очита быти в богословии» [10, 23 об.], — пишет о Никите Добрынине Симеон Полоцкий.

Незнание грамматики признаётся книжниками-никонианами признаком невежества и используется ими как компрометирующее средство полемической борьбы друг с другом (книжники-никониане не были едины и делились на латиномудров и грекофилов). Так, Сильвестр Медведев следующим образом характеризует своего оппонента, грекофила Евфимия: «Паче же ведай, яко тетрадей списатель (Евфимий. — *В. С.*) человек неучёный, не точию силлогизмы добре весть, им же не учился, но и грамматики совершенно не разумеет, точию нечто греческих речений памятствует» [20, 53]. Не остаётся в долгу и Евфимий, утверждая, что Медведев «непричастен есть ниже грамматики, ниже пиитики, ниже риторики и не весть глаголати ниже еллински, ниже латински, ниже славенски» [20, 84].

Весьма характерно, что старообрядцы воспринимают своих противников именно как «грамматиков». Так их называет, к примеру, в своей челобитной Савватий: «Нрав по грехом таков у нынешних московских грамматиков, что новое ни объявится — за тем и пошли, а старое своё доброе покинув» [25, 44]. И как раз в ориентации справщиков на грамматику видит причину «новины» Савватий: «А учали так плутати недавно, прежде всего и они печатали, а свела их с ума несовершенная их грамматика, да приезжие нехаи… Непщуют себе, яко по грамматике, втораго ради лица, за беяше и за бысть удобно глаголати — был еси, и бывал еси, и грамматика всих не потреба… Ей государь, смутилися и книги портят, яко же и прутся своей глупою грамматикою» [25, 27–28]. Враждебное отношение Аввакума к изучению грамматики нашло своё выражение и в резком неудовольствии, выраженном им некоей Евдокии за увлечение грамматикой и риторикой: «Евдокия, Евдокия, почто гордаго беса не отринешь от себя? Высокие науки и(с)чешь, от нея же падают богом неокормлени, яко листьие… Ай, девка! Нет, полно, меня при тебе близко, я бы тебе ощипал волос(ь)ё-то за грамматику-ту» [8, 178].

В чём причина столь разного отношения к грамматике у книжников предпетровского времени? Что касается старообрядцев, то одна из причин

их критического отношения к грамматике очевидна и заключается в том, что грамматика воспринималась ими как проявление «латинской» системы образования (семи «свободных искусств»), распространяемой в Москве представителями юго-западной книжной культуры, «приезжими нехаями», к которым старообрядцы испытывали не меньшее недоверие, чем к современным им грекам. В «Книге о правой вере» Спиридон Потёмкин писал в частности: «Человеце бо научившиеся грамматики, и риторики, но и самоя философии, аще не прибегнут ко истинному учителю Христу, то что помогнёт грамматика, и что пособствует риторика, и како наставит философия на путь истинный: един бо философ ариянин, а другий македонянин, а третий лютер, ин же калвин, а ин римлянин, и иных множество, но сии вси учатся в римских училищах, яже суть школы латинския, а за учение не дают ничесоже кроме душ своих» [4, 100–101].

Следует учитывать также, что, по мнению Б. А. Успенского, за неприятием грамматики старообрядцами стоит вполне определённая идеологическая позиция, которая заключается в том, что применение грамматических правил при работе с текстом, по мнению старообрядцев, неизбежно привносит искажение смысла этого текста. Грамматика, представляя собой систему правил, является моделью мира, а сам мир по средневековым представлениям — это книга, т. е. текст, воплощающий в себе Божественный смысл. Как всякая модель, грамматика позволяет порождать тексты, наполненные новым смыслом, в том числе и тексты, заведомо ложные по своему содержанию, еретические. Поэтому грамматический подход к церковнославянскому языку, не соответствующий традиционному пассивному способу усвоения церковнославянского языка, вызывает у старообрядцев столь явное недоверие [см.: 27, т. 2, 7–25].

Необходимо подчеркнуть, что старообрядцы и никониане принадлежат к разным направлениям теологической мысли. Старообрядцы примыкают к тому направлению теологии, в котором, как пишет С. С. Аверинцев, «с вызовом декларируется полная несовместимость веры с “немощным” человеческим разумом» [1, 54]. Вера у старообрядцев связывается с «простотой», «истинное знание» отождествляется с нравственным совершенством, праведностью, святостью и переводится тем самым в плоскость морали. «Духовная просвещённость» противопоставляется «внецерковной образованности», или, по терминологии старообрядцев, «внешней мудрости», которая рассматривается как источник ересей и помеха вере. Это пренебрежение к «внешней мудрости» старообрядцы начального периода возникновения раскола выражают неоднократно. Так, Епифаний заявляет в своём «Житии»: «Не позазрите скудоумию моему и простоте моей, понеже грамотики, философии не учился, и не желаю сего, и не ищу» [22, 179]. Аввакум в своём сочинении «Достоит учитися риторике, диалектике и философии?» даёт, безусловно, отрицательный ответ на этот вопрос. Он пишет: «Еже бо в распятого веровати, сие премудрости не требует… но веры… Внешняя премудрость сама себе низложи и ни во что же бысть потребна» [8, 388].

Что касается никониан, находившихся под заметным влиянием юго-западной книжной культуры, то они принадлежат к тому направлению теологической мысли, где вера основывается на знании, разуме. «Догматы веры в

этом случае, — пишет С. С. Аверинцев, — умозрительно обосновываются, переводятся на язык философских конструкций и нередко рационалистически переосмысляются» [1, 54]. Основной пафос деклараций книжников-никониан заключается в апологии разума, знаний, наук. «Служению “свободным наукам” посвящено по существу всё литературное творчество Симеона Полоцкого», — констатирует А. С. Елеонская [9, 164]. А. С. Панченко, анализируя сочинения никониан, приходит даже к выводу, что у никониан «происходит замена веры культурой» [19, 47]. Вряд ли можно согласиться со столь радикальным выводом, как невозможно согласиться и с В. М. Живовым, который, анализируя процессы изменений в книжной культуре XVII века, приходит к заключению о возникновении в это время в результате религиозной реформы «оппозиции светской и духовной культуры» [12, 333]. Все основные деятели книжной культуры предпетровского времени принадлежат к сакральной (духовной) культуре, и не видно никаких попыток с их стороны выйти за пределы этой культуры. Те изменения, которые происходят в это время в книжной культуре, можно рассматривать лишь как ростки новой светской культуры, а саму культуру XVII века — как культуру переходного периода со всеми особенностями культуры этого типа. Эти изменения касаются прежде всего изменения типа личности, её мироощущения, характера образования и, что нас особенно интересует, языкового сознания древнерусских книжников. И всё это в целом можно рассматривать как проявление значимого лингвокультурного конфликта, относящегося ко второй половине XVII в. и связанного с проведением церковной реформы в это время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С. С.* София-Логос. Словарь. — Киев : Дух і Літера, 2001. — 461 с.
2. *Анцупов А. Я., Шипилов А. И.* Конфликтология: Учебник для вузов. 3-е изд. — СПб. : Питер, 2008. — 490 с.
3. *Балалыкин Д. А.* Проблемы «Священства» и «Царства» в России второй половины XVII в. в отечественной историографии (1917–2000 гг.). — М. : Весть, 2006. — 335 с.
4. *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в 17 веке. — СПб., 1900. — 210 с.
5. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. — М. : Учпедгиз, 1938. — 448 с.
6. *Глинчикова С. Н.* Раскол или срыв «русской Реформации». — М. : Культурная революция, 2008. — 384 с.
7. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. — М. : Искусство, 1972. — 350 с.
8. *Дёмкова Н. С.* Из истории ранней старообрядческой литературы // ТОДРЛ. — Л., 1974. Т. 28. — 242 с.
9. *Елеонская А. С.* Русская публицистика второй половины XVII века. — М. : Наука, 1978. — 360 с.
10. Жезл правления. — М., 1667.
11. *Живов В. М.* Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — нач. XX в. — М. : АН СССР, 1990. — 292 с.
12. *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 758 с.

13. *Иванова И. И.* Раскол как феномен русской культуры: ересеологические аспекты // «А мне глаголати нелепотно…»: Раскол и старообрядчество в современной рефлексии: сб. науч. тр. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. — С. 34–49.
14. *Кутузов Б. П.* Церковная «реформа» XVII века: её истинные причины и цели. — Барнаул : Фонд поддержки, 2009. — 590 с.
15. *Крамер А. В.* Раскол русской церкви в середине XVII века. — СПб. : Алетея, 2011. — 455 с.
16. *Крижанич Ю.* Обличение на Соловецкую челобитную. — Казань, 1878. — 112 с.
17. Материалы для истории раскола за первое время его существования: в 9 т. — М., 1874–1895.
18. *Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. — Прага, 1976. — 145 с.
19. *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. — СПб. : Азбука, 2000. — 464 с.
20. *Пыжиков А. В.* Грани русского раскола. — М. : Древлехранилище, 2013. — 647 с.
21. *Ривлина А. А.* О понятии «лингвокультурный конфликт» в контексте общей и лингвистической конфликтологии // Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихологический анализ: сб. статей. Вып. I. — М., 2013. — С. 146–156.
22. *Робинсон А. Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. — М. : Изд. АН СССР, 1963. — 416 с.
23. Словеса, сочинённыя иеромонахом Епифанием Славинецким. — Киев, ЦБАН УР, отдел рукописей. №290 П/145
24. Служебник. — М., 1655.
25. Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. — СПб., 1862. — 96 с.
26. Увет духовный Афанасия Холмогорского. — М., 1682. — 360 л.
27. *Успенский Б. А.* Избранные труды. — М. : Гнезис, 1994. — Т. 1–2.
28. *Успенский Б. А.* Книжное произношение в России (Опыт исторического исследования). Дис. … докт. филол. наук. — М., 1971.
29. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.) — М. : Аспект Пресс, 2002. — 558 с.
30. *Чёрная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. — М. : Языки русской культуры, 1999. — 304 с.
31. *Шахов М. О.* Философские аспекты староверия. — М. : Издательский дом «Третий Рим», 1998. — 283 с.

REFERENCES

1. *Averintsev S. S.* Sofiya-Logos Slovar' [Sofia-Logos. Dictionary]. — Kiev: Duh I Litera, 2001. — 461 s.
2. *Antsupov A. Ya., Shipilov A. I.* Konfliktologiya. Uchebnik dlya vuzov. 3-e izd [Conflictology: Textbook for universities]. — SPb.: Piter, 2008. — 490 s.
3. *Balalykin D. A.* Problemy «Svyashchenstva» i «Carstva» v Rossii vtoroj poloviny XVII v. v otechestvennoj istoriografii (1917-2000 gg.) [Problems of the "Priesthood" and "Kingdom" in Russia in the second half of the 17th century. in Russian historiography (1917-2000)]. — M.: Izd-vo «Vest'», 2006. — 335 s.
4. *Borozdin A. K.* Protopop Avvakum: Ocherk iz istorii umstvennoj zhizni russkogo obshchestva v 17 veke [An essay from the history of the intellectual life of Russian society in the 17th century]. — SPb.: 1900. — 210 s.
5. *Vinogradov V. V.* Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII -XIX vekov [Essays on the Russian literary language history of the 17th-19th centuries.]. — M. : Uchpedgiz, 1938. — 448 s.

6. *Glinchikova S. N.* Raskol ili sryv «russkoj Reformacii» [Schism or breakdown of the “Russian Reformation”]. — M.: Kul’turnaya revolyuciya, 2008. — 384 s.
7. *Gurevich A. Ya.* Kategorii srednevekovoj kul’tury [Categories of medieval culture]. — M., Iskusstvo, 1972. — 350 s.
8. *Demkova N. S.* Iz istorii rannej staroobryadcheskoj literatury [From the history of early Old Believer literature] // TODRL. — L.: 1974, t. 28. — 242 s.
9. *Eleonskaya A. S.* Russkaya publicistika vtoroj poloviny XVII veka [Russian journalism of the second half of the 17th century.].— M.: Nauka, 1978. — 360 s.
10. Zhezl pravleniya [The governing crosier]. — M.: 1667.
11. *Zhivov V. M.* Kul’turnye konflikty v istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII — nach. XX v. [Cultural conflicts in the history of the Russian literary language of the 18th – 20th century] — M.: AN SSSR, 1990. — 292 s.
12. *Zhivov V. M.* Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoj kul’tury [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. — M.: Yazyki slavyanskoj kul’tury, 2002. — 758 s.
13. *Ivanova I. I.* Raskol kak fenomen russkoj kul’tury: ereseologicheskie aspekty [Schism as a phenomenon of Russian culture: hereseological aspects] // «A mne glagolati nelepotno…»: Raskol i staroobryadchestvo v sovremennoj refleksii: sb. nauch. tr. — Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2012. — S. 34–49.
14. *Kutuzov B. P.* Cerkovnaya «reforma» XVII veka: eyo istinnye prichiny i celi [Church “reform” of the 17th century: its real causes and goals.]. — Barnaul: Fond podderzhki, 2009. — 590 s.
15. *Kramer A. V.* Raskol russkoj cerkvi v seredine XVII veka [Schism of the Russian Church in the middle of the 17th century]. — Sankt-Peterburg: Aleteya, 2011. — 455 s.
16. *Krizhanich Yu.* Oblichenie na Soloveckuyu chelobitnuyu [Denunciation of the Solovetsky petition]. — Kazan’: 1878. — 112 s.
17. Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya [Materials for the early history of the schism: in 9 vols.] — M.: 1874 — 1895.
18. *Mathauzerova S.* Drevnerusskie teorii iskusstva slova [Old Russian theories of the art of words]. — Praga: 1976. — 145 s.
19. *Panchenko A. M.* O russkoj istorii i kul’ture [About Russian history and culture]. — SPb.: Azbuka, 2000. — 464 s.
20. *Pyzhikov A. V.* Grani russkogo raskola [The facets of the Russian schism]. — M.: Drevlekhranilishche, 2013. — 647 s.
21. *Rivlina A. A.* O ponyatii «lingvokul’turnyj konflikt» v kontekste obshchej i lingviticheskoj konfliktologii [On the concept of “linguistic and cultural conflict” in the context of general and linguistic conflictology]. // Kommunikaciya v sovremennom polikul’turnom mire: etnopsihologicheskij analiz. Vyp. I. — M.: 2013. — S. 146–156.
22. *Robinson A. N.* Zhizneopisaniya Avvakuma i Epifaniya: Issledovaniya i teksty [The biographies of Avvakum and Epifanij: Studies and texts]. — M.: Izd. AN SSSR, 1963. — 416 s.
23. Slovesa, sochinennyya ieromonahom Epifaniem Slavineckim [Words composed by Hieromonk Epifanij Slavinetsky]. — Kiev: CBAN UR, otdel rukopisej. №290 P/145
24. Sluzhebnik [Service book]. — M.: 1655.
25. Tri chelobitnye: spravshchika Savvatiya, Savvy Romanova i monahov Soloveckogo monastyrya [Three petitioners by Savvatij, Savva Romanov and the monks of the Solovetsky Monastery]. — SPb.: 1862. — 96 s.
26. Uvet duhovnyj Afanasiya Holmogorskogo [Spiritual treatise of Afanasij Kholmogorsky] — M.: 1682. — 360 l.

27. *Uspenskij B. A.* Izbrannye trudy [Selected works]. — M.: Gnezis, 1994. — T.1-2.
28. *Uspenskij B. A*. Knizhnoe proiznoshenie v Rossii. (Opyt istoricheskogo issledovaniya) [Book pronunciation in Russia (Experience of historical research)]: dissertation. — M.: 1971.
29. *Uspenskij B. A.* Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.) [The history of the Russian literary language (11th–17th centuries)] — M.: Aspekt Press, 2002. — 558 s.
30. *Chernaya L. A.* Russkaya kul'tura perekhodnogo perioda ot srednevekov'ya k novomu vremeni [Russian culture of the transition period from the Middle Ages to the Modern History]. — M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. — 304 s.
31. *Shahov M.* . Filosofskie aspekty staroveriya [Philosophical aspects of the Old Belief]. — M.: Izdatel'skij Dom «Tretij Rim», 1998. — 283 s.

© В. Г. Сиромаха